

Народные русские сказки (Афанасьев)/Илья Муромец и змей

310[1]

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был мужичок и с хозяйшкою. Живёт он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйкою:

— Вот, хозяйка, довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить бога, авось господь нам создаст детище хотя бы напоследях, при старости.

Стали просить бога, и забрюхатела она, и время пришло — родила детище. Прошёл год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а должно б ему ходить; восемнадцать годов прошло — всё без ног сидит.

Вот пошёл отец с матерью на покос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенский братия и просит у него милостыньку:

— Хозяинушка! Сотвори старичку господню милостыньку Христа ради!

Вот он ему и говорит:

— Старичок господень, не могу я тебе подать милостыньку: я без ног.

Вошёл старичок в избу.

— Ну-тка, — говорит, — встань-ка с постели, дай мне ковшичек.

Вот, взявши, дал ему ковшичек.

— Поди, — говорит, — принеси мне водицы.

Принёс ему воды и подаёт в ручки:

— Извольте, старичок господень!

Вот он ему назад и отдаёт.

— Выпей, — говорит, — в ковше всеё[2] воду.

Опять посылает он его за водою:

— Опять сходи, принеси другой ковшик воды.

Шедши он за водою за которое дерево ни ухватится — из корню выдернет. Старичок господень и спрашивает у него:

— Слышишь ли теперь в себе силу?

— Слышу, старичок господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенную такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную.

Как принёс он другой ковшик, старичок господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось.

— Будет, — говорит он, — с тебя и этой силы!

Помолился старичок господень богу и пошёл домой.

— Оставайся, — говорит, — с богом!

Скучно ему лежать, и пошёл он копать в лес, свою силу пробовать. И ужаснулся народ, что он сделал, сколько лесу накопал! Вот идёт и отец с матерью с покосу. Что это такое? Лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходят ближе. Жена и говорит своему мужу:

— Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!

— Дура, — говорит он, — не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!

И подошли к нему:

— Ах, батюшка ты наш, как тебе господь создал это?

Вот и говорит Илья:

— Пришёл ко мне старичок господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю: «Старичок господень, не могу я тебе милостыньку подать: я без ног». Вот он ко мне и пришёл в избу: «Ну-тка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек!» Встал я и дал ему ковшичек. «Поди, говорит, принеси мне водицы». Принёс ему воды и подал в ручки. «Выпей, — говорит старичок, — в ковше всеё воду!» Выпил — и стала во мне сила великая!

Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою: «Вона какой он стал сильный, могучий богатырь! — называют этак мужики Илью. — Вишь он наделал какую копать! Надобно, — говорят, — в городе объявить про него». Вот узнал об нём и государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался[3] он государю, и нарядил его государь в

платье, како следует. И показался он всем и служить стал хорошо. Вот и говорит государь:

— Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец под угол?

— Извольте, ваше царское величество! Хошь набок, как угодно подыму его.

Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показалась она ему оченно, и хочет с ней обвенчаться.

Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому.

Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всеё её иссушил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю:

— У меня есть такой сильный, могучий богатырь, он убьёт змея об двенадцати голов.

Король и просит:

— Пожалуйте — ко мне его пришлите.

Вот как приехал он в своё государство и разговаривает с своей государыней:

— У этакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всеё её извёл, иссосал.

И говорит:

— Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?

— Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью.

Вот государь и говорит:

— На почте поедешь и трахтами пойдёшь, так и так-то возьмёшь.

— Я верхом один поеду, пожалуйста мне жеребца.

— Войди в конюшню, — говорит ему государь, — выбирай любого.

А дочь просит его в другой комнате:

— Не ездите, Илья Иванович; вас убьёт змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить.

Он и говорит:

— Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здоровье.

Пошёл в конюшню жеребца себе выбирать; пришёл к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку — всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришёл к самому последнему жеребцу — так, в забросе стоял, — ударил его по спине рукой; он только заржал. И говорит Илья:

— Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!

Приходит к государю:

— Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верного.

Отпускают его с молебном, со добрыми порядками.

Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прекрутая, большая гора, и на ней всё песок; насилу въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать — сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать — конь сыт, сам голоден; по третьей дороге ехать — самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть — такой лес! А тут сделалась в лесу елань[4] такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит:

— Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Избушка поворотилась, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это баба-яга и говорит:

— Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух хочу очьми видеть.

Вот, взявши, ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову.

— Постой, баба-яга! — говорит он. — Я с тобой поправлюсь.

Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил её за волосы, ударил её и говорит:

— Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения и куды еду.

Вот она и спрашивает:

— Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?

— Меня зовут Илья Иванович, а еду туда-то.

— Пожалуйста, — говорит, — Илья Иванович, ко мне в горницу.

Вот он и пошёл к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчевает, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у неё сутки и собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит.

— Извольте, — говорит баба-яга, — я напишу письмо к сестрице, чтоб она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею... А то она вас убьёт, как завидит!

Отдаёт ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

Вот садится богатырь на доброго коня и поехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лес! И приезжает на елань — такая широкая елань, а на ней стоит избушка наслана. Подъезжает он к избушке, и слезает с добра коня, и привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала:

— Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух очьми хочу видеть.

Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблею по шее; он и говорит:

— Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала.

Она прочитала и принимает его с честью к себе в дом:

— Пожалуйста ко мне в гости!

Идёт Илья Иванович. Она сажает его за стол и ставит на стол кушанья всякие, напитки и наедки[5], потчевает, а сама послала девушку топить для него баньку. Покушавши, пошёл выпарился в бане. Двое суток он у неё перестоял, сам отдохнул, и добрый конь его отдохнул. Стал на добра коня садиться, и провожает она его с честью.

— Ну, Илья Иванович, — говорит, — таперьча тебе не проехать; тут Соловей-разбойник ждёт, на семи дубах у него гнездо свито, он не допустит на тридесять вёрст — свистом оглушит!

Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что слышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит:

— Не спотыкайся, добрый конь, уж послужи мне.

Подъезжает к Соловью-разбойнику, он всё свищет. Подъехавши к гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него — и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударил однова[6], чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в корока[7] на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят:

— Соловей-разбойник везёт кого-то в короках!

Подъезжает богатырь ко дворцу и подаёт бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу:

— Велите Соловью-разбойнику засвистать.

А Соловей-разбойник говорит:

— Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися.

Вот и принесли ему винца, а он говорит:

— Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне порядочный.

Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит:

— Ещё бы Соловью-разбойничку две ведёрочки, так выпил бы! — да уж не дали ему. И просит король:

— Ну, прикажи, — говорит, — ему засвистать.

Илья велел ему засвистать, а короля и всю его фамилию[8] поставил к себе под руки, под мышки:

— А то, — говорит, — он оглушит вас!

Как засвистал Соловей-разбойник, насилу остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом — он и перестал свистать, а то было попадали все!

Вот и говорит король Илье Ивановичу:

— Послужишь ты мне вот этакую службу, как я стану тебя просить? К моей дочери вот летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?

— Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно — всё сделаю.

— Пожалуйста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постарайся!

— Извольте, ваше королевское величество!..

Лежит королева в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб: ударил жезлом и расшиб её всю. Радёхонька же королева встала, пришла к нему и его благодарила; доложила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посбивал! Король и говорит:

— Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня.

— Нет, — говорит, — я поеду в своё государство.

Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой бабе-яге ночевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его с честью со всякою. Приехал в своё государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честью, а дочь государева насилу дождалась:

— Ну, тятенька, извольте, я за него замуж пойду.

Отец с ней воли не снял:

— Ну, коли угодно, так поди!

Обвенчались и таперьча живут.